

Всем, кто выбирает человечность

У Птицы снова зудели лопатки. Зуд был нечеловеческий: казалось, что под кожей ютится целый пчелиный рой — и все эти полосатые, мохнатые насекомые дружно дребезжат своими крылышками, стремясь вырваться на волю. Птица безуспешно пытался достать до невидимого улья, почесаться властью, но никак не мог и, перестаравшись с подобной акробатикой, едва не вывихнул плечо. У него не получалось взять в толк, что там могло так сильно чесаться — комаров еще не было, а мерзких жучков в его съемной квартире и подавно не водилось.

— Эй, Птица, идешь? — окликнули его из-за входной двери. От неожиданности он вздрогнул и прекратил свои провальные попытки почесать спину. Оглянувшись, крикнул:

— Бегу!

Он неаккуратно схватил с крючка в прихожей куртку, мельком глянул в зеркало и вышел из квартиры. Стоял позд-

неапрельский вечер, и около подъезда его встретил Илья, с которым они вместе учились на философском факультете. Он изрядно подустал ждать долго собиравшегося Птицу и успел спуститься.

— Копуша, — по-доброму кивнул он Птице и закурил сигарету. — В Яму или на Патрики?

— В Яму.

— Ну идем, — отозвался Илья. Он стряхнул пепел с сигареты и пнул подвернувшийся под носок кроссовки камешек.

Илья начал решительно пробираться сквозь толпы детей во дворе дома, которые уже всю предвкушали летние каникулы и явно плевать хотели на контрольные работы. Птица плелся за ним, засунув руки в карманы куртки. То и дело он неосторожно наткался на шумящих школьников. Илье приходилось оборачиваться, чтобы убедиться, что Птица все еще идет за ним и не застрял, вежливо пытаясь обойти очередного ребенка. Наконец выйдя со двора на оживленную улицу, Илья спросил:

— Ты чего смурной такой? Опять с Платоном беда?

Птица пожал плечами. Беды с Платоном у него были начиная с первого курса.

— Да спал не очень, снилась какая-то дребедень.

Илья хмыкнул, положил руку Птице на плечо и наклонился к нему, будто собирался поведать сакральную истину:

— Тебе бы поменьше загоняться.

Птица нахмурился, уставившись себе под ноги, и поджал губы:

— Я не загоняюсь, просто...

— ...некоторые люди ведут себя по-уродски, а ты никак не можешь смириться?

— Ну, в общем и целом, да, — согласился Птица.

— Понимаю. Но всех людей не исправить.

Птица кивнул, признавая поражение. Да, не исправить, это точно.

В Яме было, как всегда, не протолкнуться. Бетонный амфитеатр двадцать первого века был набит людьми, хотя не мог похвастаться ни гладиаторскими боями, ни философскими дебатами. Птица с Ильей нежно любили Яму. В их воображении они сами были античными философами, которые заявляются «пояснить за трагедию», что в конечном счете довольно быстро скатывалось если не в комедию, то в стендап точно. «Яму следовало назвать ульем», — рассеянно подумал Птица, мотнув головой и вдохнув чей-то фруктовый дым от электронной сигареты. Амфитеатр жил своей молодой и ни о чем не жалеющей жизнью, шумел десятками портативных колонок JBL, вокруг которых толпились люди. Из расположившейся рядом на Покровке пиццерии пахло горячей пиццей.

— Вон туда идем, — указал Илья куда-то в верхний ряд сбоку, углядев свободное место.

Они сели на деревянные доски, которые заменяли сиденья и спасали от холода бетона. Илья поджал под себя ногу, повернувшись к Птице:

— Ходили вчера с Лерой в Пушкин на Люсьена Фрейда, она так ругалась, ты бы слышал!

— На Фрейда? — уточнил Птица.

— Да не, на организацию выставки и на инфраструктуру Пушки в целом. Она же у меня из этих, — любовно описал он головой круг и мечтательно улыбнулся. — Из искусствоведок.

Птица рассеянно кивнул. Истории про девушку Ильи Леру-искусствоведку — обязательно с феминитивом! — он слушать любил, хотя и не всегда понимал, чем провинились музеи, выставки и кураторы — все вместе взятые. В Пушки он был всего раза два, смотрел на античные слепки и вглядывался в малых голландцев, представляя себя крошечной фигуркой в скрупулезно выписанном пейзаже.

От мыслей о голландцах его отвлек звук с ряда выше, где царил настоящий балаган. Там толпились уж очень шумные ребята, они о чем-то спорили, их голоса звучали пьяно и эхом раскатывались по Яме, звонко отскакивая от бетонных поверхностей. Птица хотел бы не вслушиваться в хмельные диалоги, но компания повышала голоса все больше и больше.

— Вот я работаю в автосервисе, устаю, делаю — ик! — настоящее дело, а она отсиживает свою жопу дома, пялится в экран компа, она у нас, видите ли, эсэмэщица! — с раздражением и сарказмом сказал один из парней. Они были чуть постарше Ильи и Птицы, а говоривший, которого Птица мысленно успел обозвать «настоя-я-а-ацией мЕхАнИк», размахивал во все стороны полупустой бутылкой пива, направляя горлышко, как микрофон, к своим, так сказать, коллегам по диалогу. Коллеги ожидаемо поддакивали, хотя по высокому хлипкому парнишке — похоже, самому трезвому из компа-

нии, который стоял на краю ступеньки, явно было видно, что не только некая эсэмэмщица механика проводит дни и ночи, уставившись в синий экран.

Птица с Ильей переглянулись, поморщившись из-за претензии к эсэмэмщикам. Они, учась на третьем курсе философского факультета, шутки про «Макдональдс» и «ненастоящую работу» в соцсетях слышали чаще, чем «приветкакдела». Птица чуть наклонился к Илье, покосился в сторону пьяной развеселой компании:

— Не понимаю, зачем шеймить людей за их работу.

Илья пожал плечами. Он спокойнее относился к окружающим и их причудам, а Птица никак не мог допереть, что это: равнодушие или волшебное умение не принимать всякую чепуху близко к сердцу. «Мама всегда мне говорила, Птица, дураков много, а жизнь одна. Я лучше буду стараться жить эту жизнь, чем обращать внимание на дураков», — объяснял обычно Илья. Птица понимающе кивал, пытаясь вспомнить, говорила ли ему мама что-то подобное, но продвинуться дальше этой попытки не мог.

— Прикиньте, вот она сидит на балконе, ноги свои длинные раскинула и клекает сторис в инстаграм!* — продолжал механик, кривляясь и выпучивая глаза на словах «сторис» и «инстаграм». — Я ей говорю: «Кать, ты че, сколько можно торчать в телефоне? Иди ужин приготовь, я жрать хочу».

---

* Деятельность продуктов компании Meta (Instagram и Facebook) запрещена на территории РФ.

А она мне что? «Милый, я еще работаю, закажи “Кухню на районе”». Работает она! Тоже мне работа.

Птице становилось все неудобнее сидеть и делать вид, что он ничего не слышит. Плечи его напряглись, он весь сжался. Не выдержав, он снова обратился к Илье:

— По-моему, Кате надо ливать.

Илья кивнул в ответ. Разглагольствовать не хотелось: механик уж больно угрожающе размахивал бутылкой, а стайки людей вокруг них начали потихоньку разбежаться со ступеней. Илья дотянулся до Птицы, схватил за локоть, собираясь под шумок последовать примеру остальных и уйти куда-нибудь на пруды, но, только он начал подниматься, совсем рядом с ними раздался голос механика:

— Э, кому тут «ливать» надо? На каком языке ты разговариваешь, говори по-русски.

Механик явно обращался к ним, спустившись еще на ступень. Илья закатил глаза, повернулся к Птице и поджал губы. «Ну ты как всегда», — говорил его недовольный взгляд.

— Нам надо ливать, то есть я имею в виду «уходить». Простите, русский неродной, мы из Англии, — сделал попытку отшутиться за двоих Илья, но механик отсылки не понял.

— Он у тебя отбитый, что ли? — продолжил механик, кивнув в сторону Птицы. — Дохлый голубь какой-то, одни кости торчат, бормочет чего-то про меня. Эй ты, да, я с тобой разговариваю, ты глухой? Тебя в детстве головой уронили?

Птица нахмурился, нервно и быстро пожал плечами. Механик не затыкался:

— Че, не знаешь? Ты че, приемный?

Птица во все глаза таращился на грузного парня. Непонятный колокольчик упрямо звенел в его голове, а лопатки снова зачесались. Казалось, его и правда торчащие кости сейчас продырявят тонкую кожу на спине, вылезут наружу.

— Чувак, прости, у моего друга просто обостренное чувство справедливости, — попытался сгладить ситуацию Илья, мирно поднимая руки и вставая с деревянной сидухи. Очередная неловкая шутка механику не зашла.

— А за себя твой друг говорить умеет или зассал?

Птица нетвердо поднялся на ноги, стараясь не обращать внимания на звон в голове, и искренне ответил:

— Да, простите, но я не понимаю, что не так. Мне кажется странным осуждать профессии других людей, тем более если это не просто случайные люди, а ваша девушка.

Вместо ответа ему в скулу уже летел кулак.

Птица проваливался сквозь белую вату. Нет, не вату — та материальная, плотная, ее запросто можно потрогать. Кажется, это были облака, но он не знал этого наверняка. Он чувствовал, как промокал до нитки. Одежда неприятно липла к телу, пряди волос, которые обычно торчали во все стороны, некомфортно приклеились ко лбу, а что-то огромное и массивное за его спиной становилось тяжелее с каждой секундой падения и тянуло вниз.

Он оглянулся — и, если б мог, шарахнулся бы от испуга, но сделать это в падении не получилось, да и некуда было бежать: за его спиной трепетали огромные маховые крылья. Наверное, они когда-то были красивы, пушисты и легки, но плотные облака, тяжелые от воды, намочили их от и до, склеили между собой перья, как будто не вода это была вовсе, а резко пахнущий, густой клей ПВА. Дождевая вода, не успев пролиться на землю, отыгралась на Птице, превратив его белоснежные

двухметровые крылья в грязно-серый обвисший бюджетный косплей, тянущий к земле. Он продолжал падать.

Птица резко открыл глаза и, поморщившись, сел. Он поперхнулся, закашлялся, пытаясь сориентироваться в пространстве, и тут же почувствовал чью-то теплую ладонь на локте.

— Птица, ты как? — услышал он голос Ильи. Зрение приходило в норму, но у него все не получалось сбросить с себя остатки странного видения. Сна? Галлюцинации? Он даже не знал, что это было. Ему все казалось, что он падает, встать на ноги не выходило даже с помощью Ильи, который тут же бросился его поднимать с холодной ступеньки амфитеатра. Птицу тянуло вниз. Он почти чувствовал, как с него капает дождевая вода, слышал мерное кап, кап, кап. Он помотал головой в надежде стряхнуть навязчивый морок, но тот намертво осел в нем, утягивая за собой.

— Что случилось? — спросил Птица, поворачиваясь к Илье.

— Тот придурок залепил тебе в лицо. Синяк завтра будет грандиозный, я уже сейчас это вижу. Прости, я и не думал, что он тебе вмажет. Был уверен, что только побуллит, как обычно у нас с тобой бывает, — ответил Илья, виновато поджимая губы и все еще крепко держа Птицу за локоть.

— А куда он делся-то?

— Свалил, как только ты упал и потерял сознание. Ты как? — повторил свой вопрос Илья.

Птица неуверенно кивнул, дотронулся до скулы, и та тут же отозвалась резкой болью. Птица болезненно поморщился.

— Думаю, надо идти домой.

— Давай провожу, — предложил Илья. Голос его звучал растерянно, как у провинившегося школьника, который по глупости пропустил назначенную его другу стрелку за школой после уроков.

— Тогда до «Пятерочки» во дворе, зайду за чем-нибудь холодным. А там до дома и сам дойду.

— Договорились. Прости еще раз.

Птица отмахнулся. Он чувствовал, что когда-нибудь его длинный язык доведет до синяков, но уж точно не ожидал, что это произойдет сегодня.

Птица с Ильей молча шли по китайгородским улочкам. Засунув руки в карманы, они поднимались на один из холмов, на которых была построена Москва, дышали непривычно теплым апрельским воздухом. Глубоко внутри Птица вскользя порадовался, что не подвержен сезонным аллергиям на цветение, разогнавшим многих знакомых по тесным съемным однушкам в Чертанове и на «Южной».

«Если не трогать лицо, то вполне сносная весна», — подумал Птица, улыбнувшись. Об улыбке он тут же пожалел — наливающийся синяк был против, чтобы о нем так быстро забыли.

Справа от тротуара, во дворах, цвела черемуха — ее длинные ветви, обильно заросшие бутонами, клонились к прохожим. Птица бездумно проводил рукой по цветам над головой, пока шел мимо, пачкался в желтой пушистой пыльце, а белые лепестки, не удержавшись, падали ему прямо на волосы и осе-

дали на плечах. Станный какой-то апрель, думал Птица. Не время для цветов. Мысли его перескакивали с темы на тему, не желая замедляться. Он совсем не злился на механика и был этому удивлен. Механик казался ему глубоко несчастным человеком, не способным направить свой гнев на что-то хорошее, и Птице было его жалко. Еще больше ему было жаль эсэмэщицу Катю, о которой он совсем ничего не знал — только надеялся, что у нее все будет хорошо.

«Тебя в детстве головой уронили?» — пронеслись у него в голове слова механика. Птица прикрыл глаза, пытаясь отогнать навязчивые вопросы. «Ты че, приемный?» Да нет же, не приемный, думал он. Не приемный. Моя мама вот...

— Дошли, Птица, — окликнул его Илья, махнув головой в сторону мерцающего красным лого «Пятерочки». Поток мыслей застопорился.

— Спасибо, что проводил.

— Без проблем. Купи замороженную курицу, что ли, для синяка. Заодно будет что сожрать потом, — подмигнул Илья.

— Ага, — слабо улыбаясь, отозвался Птица. Илья похлопал его по плечу и пошел в сторону своего дома через дворы. Птица посмотрел ему вслед, дождался, пока широкая спина друга скроется за углом, глубоко вдохнул весенний воздух и пошел в магазин.

После душноватого воздуха, пылью оседающего в легких, холодильники в супермаркете обдали Птицу приятной прохладой. Он улыбнулся краем губ и с наслаждением выдохнул — его разбитая скула говорила ему спасибо за поход в магазин.

Какое-то время он бездумно бродил по отделам, пропитывался освежающим воздухом, не искал ничего особенного. Ему нравилось ходить в супермаркеты: они казались местом без времени, в котором стрелки на круглых белых часах застыли и решительно не желали двигаться дальше. Телефон Птицы обычно отказывался ловить хоть какой-нибудь сигнал в местной «Пятерочке» у дома, и это еще больше замораживало время. Свет в магазине всегда был равномерно холодным, кассиры пробивали продукты, пиканье раздавалось через равные промежутки времени, и все это погружало Птицу в приятный транс.

Из мечтательной полудремы его выбила проходившая мимо женщина, случайно задев слишком тяжелой тележкой с неисправным передним колесиком. Тележка шаталась туда-сюда, наполненная продуктами, а колесико не выдерживало, сопротивлялось, цепляясь за сколотые плитки на полу.

— Ой, простите, пожалуйста, — пробормотала в его сторону женщина, поспешив на кассу. Птица посмотрел ей вслед. «Наверное, она очень устает на работе», — почему-то подумал он, окинув взглядом ее ссутуленную фигуру в изрядно помятом коричневом костюме, пучок с выпадающими из него унылыми седеющими прядями и сумку, ручки которой женщина нервно поправляла то и дело, пытаясь не дать ей упасть с плеча.

Наконец Птица вспомнил изначальную цель и отправился на поиски замороженной курицы. Идея Ильи и правда была неплоха, да и еды у Птицы дома почти не осталось. В холо-

дильнике с заморозкой он взял первую попавшуюся тушку и пошел в сторону кассы, окидывая взглядом полки по сторонам. Шагая, он машинально прижимал к себе курицу, которая уже начинала подтаивать в его теплых руках. Рядом с йогуртами он вдруг замедлился. Этот отдел был его любимым, и он неоднократно рассказывал одноклассникам, что больше всего в продуктовых он любил холодильники, сверху донизу забитые йогуртами. «Вы ничего не понимаете! — говорил он, когда те начинали смеяться. — Столько разных йогуртов изобретается каждый месяц, что для них даже сделали целый отдел в магазинах! Я каждый раз выискиваю что-то новое. Вот вы пробовали тот, который с мармеладками? Гениальное изобретение человечества, я считаю». Да, разнообразные воздушные и не очень творожки были его страстью, правда, не все друзья разделяли эту одержимость.

Погрузившись в йогуртовые мечты и закусив губу, он открыл прозрачную дверцу холодильника, достал с полки глиняную баночку с округлыми боками и задумчиво принялся читать этикетку. Курица продолжала таять, капая конденсатом на его джинсы и кремовый плиточный пол.

— Как вам сюжет?

В мерном жужжании морозильников и длинных ламп на потолке голос рядом с Птицей прозвучал слишком громко. Он растерянно поднял глаза, все еще подпирая правым плечом дверцу холодильника и держа в руке йогурт. Он вынырнул из мелких букв на пластиковой баночке и сразу же

почувствовал себя чересчур материальным. Курица в левой руке как будто разом отяжелела, и он ощутил, как холодные капли липко стекают по пальцам.

Напротив него стояла высокая девушка с короткими вьющимися волосами. Облокотившись на тележку с продуктами, она катала ее взад-вперед ногой в черной кроссовке и терпеливо ждала его ответа.

— Простите? — переспросил Птица, чувствуя себя полным дураком.

— Говорю, как вам сюжет йогурта? Вы так внимательно читали, будто это научная фантастика. — Она чуть приподняла брови. Птица еще секунду нахмуренно смотрел на девушку, не понимая, к чему она, а затем весь сразу всполошился, замотал головой, открывая и закрывая рот, как рыба, которая недоуменно плывет на рыбацкий крючок в воде и не может решить, это еда или уловка.

— Простите! — еще раз сказал он чуть громче прежнего. — Я... йогуртовый фанат, увлекся.

Он вцепился в баночку йогурта с кокосом — такого он еще не пробовал, — отошел от холодильника и придержал прозрачную дверцу, перехватив ее рукой. Соврать о своем фанатстве он не успел. Девушка улыбнулась ему, снисходительно поблагодарив. «Наверное, думает, что я социально — и не только социально — неприспособленный», — мелькнуло в голове у Птицы. Она выбирала между йогуртом с киви и творожком с малиной, задумчиво прикасаясь то к одной баночке, то к другой.

— Как человек с пи-эйч-ди по йогуртам, может, посоветуете, какой вкуснее? Никогда не могу быстро выбрать, — сказала она, повернув голову в сторону Птицы и внимательно разглядывая его сквозь стекло.

«Почему я все еще не ушел?» — обреченно думал Птица.

Он сконфузился, явственнее ощущая тающую курицу в руке, но все еще не находя в себе сил просто взять и уйти.

— С малиной. В этом йогурте киви на вкус не очень, — ответил он девушке, неловко улыбнувшись.

Она хмыкнула, уверенным жестом отставила в сторону йогурт с киви и потянулась закрыть холодильник, дверцу которого все еще придерживал Птица.

— Спасибо. Думаю, больше можно не держать, — подмигнула она ему. Птица отпустил дверь. — Хорошего вечера!

Она покатила тележку вдоль прохода, обернулась на Птицу и, улыбнувшись, кивнула ему. Над ее головой потрескивали длинные белые лампы. Птица хотел было помахать ей, уже поднял руку, но, в очередной раз забыв о злосчастной курице, упаковка которой явно была набита лишним и предательски быстро тающим льдом, перевел на нее взгляд и поджал губы. «Черт-те что, а не прощание», — думал он. «Предательница», — послал он мысленный сигнал курице. Та предсказуемо не ответила. С секунду поколебавшись, Птица все же решил обменять растаявшую курицу, с которой так долго бродил по «Пятерочке», на новую. «Ничего плохого я не делаю», — думал он, кладя несчастную тушку обратно в морозильник. С девушкой, присудившей ему докторскую

степень по йогуртовому делу, Птица не встретился ни на кассе, ни на выходе из магазина.

У подъезда Птицу нагнал ливень. Едва он успел забежать под старый, рассыпающийся крошкой козырек, небо прогремело, налилось сливовой чернотой и обрушилось стеной дождя на московские дворы. Какое-то время Птица продолжал стоять под козырьком, вслушивался в барабанившие по нему капли, вглядывался в синие тучи и хмурился вместе с ними. Со вспышкой молнии ему показалось, что земля под его ногами проваливается, обращается в глубокую яму. Перед глазами все поплыло, а пчелиный улей между лопатками снова ожил и зажужжал. Он мотнул головой, побряцал по кнопкам домофона и нырнул в темную сырость подъезда. Весной все подъезды вдруг превращались в погруженные в темень и холод погребки, где так хорошо перевести дыхание после уличной духоты. Один пролет ступенек — и он уже оказался в квартире. Коридор в ней был длинным, будто безуспешно пытался компенсировать малюсенькие комнаты и кухню, в которой и один человек с трудом мог развернуться.

Не включая свет и небрежно скинув кеды в коридоре, Птица прошел на кухню и запихнул курицу в морозилку, а баночку с кокосовым йогуртом — в холодильник. Надо подождать, пока курица подмерзнет, и можно будет приложить ее к своему многострадальному избитому лицу. Его еще никогда не били, даже в детстве он обычно... Что «обычно»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru